

The image is a vertical book cover for 'Cosmopolis'. At the top, a large, detailed planet with a blue and orange atmosphere dominates the left side. To its right, a sleek, metallic spaceship with a long, pointed nose is shown in flight against a starry space background. Below this, a thin blue line represents the horizon of a planet. In the middle section, a futuristic city with tall, spire-like buildings is built on a rocky, green landscape. The city is viewed from an elevated perspective, looking down and across. The sky above the city is filled with various celestial bodies, including several small blue spheres and larger, more complex structures. At the bottom, the title 'КОСМОПОЛИС' is written in large, bold, white Cyrillic letters. The author's name 'Ольга Соловьева' is positioned at the top center, above the spaceship.

Ольга Соловьева

КОСМОПОЛИС

Ольга Соловьева

Космополис

«Автор»

2026

Соловьева О.

Космополис / О. Соловьева — «Автор», 2026

«Космополис» — захватывающая история о далёком будущем, где человечество давно вышло за пределы родной планеты и осваивает бескрайние просторы Вселенной. Главный герой — молодой космопилот, которому выпадает шанс принять участие в рискованной экспедиции к неизведанной звёздной системе. Его ждут опасные космические аномалии, встречи с загадочными цивилизациями и разгадка древней тайны, способной изменить судьбу всей галактики. На фоне масштабных межзвёздных путешествий разворачивается напряжённая борьба за выживание, а герою приходится делать непростой выбор между долгом, дружбой и собственными мечтами. Книга сочетает динамичный сюжет, яркие образы космических пейзажей и философские размышления о месте человека во Вселенной — идеальный выбор для поклонников космических приключений.

© Соловьева О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Соловьева

Космополис

Люди однажды узнают о существовании Космоса

— не как о далёком абстрактном понятии, а как о чётко наблюдаемой области реальности, к которой можно подобрать маршрут. Общество захватывает мечта о полёте: строятся корабли, растут города-узлы, появляются «навигаторы связи» и инженеры, способные читать сигналы между мирами. Юра, молодой парень из прибрежного района Космопорта, получает работу в лаборатории маршрутов вместе с Валею, своей девушкой. Их личная история сплетается с большой: когда маршрут становится доступным, выясняется, что Космос не открывается всем одинаково — и чтобы достигнуть его глубины, нужно не только железо и расчёты, но и верное человеческое решение. Пройдя через провалы тестов, политический торг за доступ к траекториям и жертву ради безопасности миссии, Юра и Валя попадают в первую экспедицию «настоящего входа», где Космос отвечает — и предъявляет цену за любопытство.

Сигнал

в

окне

Вечером над Космопортом висел тёплый туман, как будто сам город пытался скрыть, что внутри него просыпается новая механика. Огни магистралей, отражаясь в лужах, складывались в траектории — и никто уже не смеялся над тем, что люди любят считать линии судьбой. После работы Юра шёл по набережной и слушал, как море гудит старым способом: оно говорило о приливах, как всегда, но всё чаще кто-то рядом начинал разговор о другом море — о Космосе.

Сигнал пришёл неожиданно, но не внезапно. Его ожидали те, кто любил точность: лаборатории по всей планете уже месяцы просматривали «окна» в дальнем фоне. Речь шла о явлении, которое раньше называли странным статистическим хвостом. Теперь этот хвост стал похож на маршрут.

Юра и Валя вошли в лабораторию маршрутов за пятнадцать минут до собрания. Он нес аккуратную папку с распечатками, она — маленький планшет, в котором была закольцована модель распознавания. Их смена была обычной по форме, но ненормальной по смыслу: датчики весь день не могли договориться между собой.

—

Ты
слышал?

—

спросила

Валя,

пока

лифт

мягко опускал их под землю.

— Что «вход»? — Юра кивнул. — Слышал. И слышал ещё, что это может оказаться ошибкой.

— Ошибка тоже бывает входом, — сказала Валя. —

Просто другой.

Лампы в коридоре мигнули, будто им самим хотелось прислушаться к тому, что творится дальше. Дежурный техник, седой и уставший, встретил их у дверей главного зала.

— Вас попросили срочно, — сказал он и указал на экран.

На экране была не карта звёзд — звёзды оставались на месте, как живые и безразличные. На экране пульсировал прямоугольник: окно связи. Внутри прямоугольника сияла последовательность меток, которая в прошлом проходила как шум. Сегодня она будто нашла регулярность. Её нельзя было доказать одним взглядом, но она отказывалась рассыпаться.

Доктор Линн стояла у центрального стола, с тонкой папкой в руке и взглядом, который не давал воздуху растекаться. Рядом стоял капитан Ройс — он всегда появлялся так, как будто план уже известен наперёд,

просто кто-то ещё не понял.

— Мы сделали повтор, — сказала Линн, не поворачиваясь полностью. — И повтор совпал. Прямоугольник держит форму. Похоже, нас слушают.

— Или мы слушаем себя, — пробормотал Юра.

— Проверка «на самоподражание» начата, — ответила Линн. — Но вы, Юра, именно вы просили дать вам время на ручную верификацию. Вот она.

Юра открыл папку. В ней лежали его распечатки: анализ дрейфа, оценка задержек, попытка найти, как шум превращают в регулярность. Он чувствовал привычную усталость инженера — но под ней росло другое: возбуждение, опасное, как искра у горячего.

Валя подошла ближе к экрану, и её лицо стало почти спокойным, как бывает у людей, которые могут выдержать плохую новость, но не позволят ей стать хорошей случайностью.

— Метки не случайны, — сказала она. — Но важнее другое: их «интервалы» совпадают с задержкой нашей системы, если учитывать среднее смещение времени.

— То есть они знают, как мы считаем? — спросил Ройс.

— Или мы знаем, как они нас слушают, — поправила Валя.

В лаборатории повисло короткое молчание. Это молчание было не про отсутствие слов. Это было молчание про то, что слова опасны: они могут заранее сделать вывод, который ещё не разрешён данными.

— Давайте ваш протокол, — сказала Линн.

Юра подошёл к панели ручной верификации. Он взял контрольные каналы — те, которые обычно используют для проверки ложных детекторов. Затем включил «обратное окно»: в симуляции он менял параметры, будто меняет угол и частоту, и смотрел, исчезнет ли регулярность или сохранится.

Экран не исчез. Регулярность меняла форму, но оставалась похожей на маршрут, будто кто-то рисует линию не на карте, а в самой логике устройства.

— У нас нет права объявить это «маршрутом» ещё сутки, — жёстко сказал Ройс, как будто говорил самому себе. — Общество сорвёт тесты.

— Общество не сорвёт, — сказала Валя. — Оно уже

началось.

Юра оглянулся на девушку. Он видел, как она держит себя: не торопится, но и не даёт страху съесть радость.

Система связи в зале зашипела. Сначала это было похоже на обычный шум линии. Затем шум выстроился в повторяющийся паттерн — новый, более короткий. Окно связи словно ответило тем же языком, но с другой скоростью.

Линн сделала шаг к экрану.

— Это подтверждение, — сказала она.

— Или маскировка, — возразил Юра.

—
Пусть маскировка подтвердит, что она умеет отличать
нас
от
наших
ошибок,
—

спокойно
сказала
Валя.

И они сделали самое трудное: не бросились публиковать, не кинулись кричать «мы летим», а провели тест, который не мог быть угодным ни кому. Они искусственно нарушили синхронизацию на части узлов и посмотрели, отреагирует ли окно связи

—
или
продолжит
«знание
маршрута»
без
реального
взаимодействия.

Реакция была. Паттерн сменился ровно так, как менялся бы ответ на изменение условий.
— Нас реально «слышат», — произнёс Ройс тихо,

впервые за весь день потеряв привычный стержень.

— Значит, нам нужно решить, как мы будем слушать дальше, — сказала Валя.

Когда собрание началось, новость ещё была не новости, а вероятности. Но зал заседаний — огромный, с прозрачной стеной, где отражались лица — уже выглядел готовым к празднику.

Представители консорциума доступа к траекториям стояли отдельно, слишком близко к выходу. Они улыбались так, будто заранее знают, что именно будет сказано.

Сафия Тал говорила мягко, но её голос держал границы.

— Если маршрут существует, — сказала она, — нельзя оставлять его на милость хаоса. Консорциум берёт на себя раннюю подготовку, чтобы безопасность была гарантирована.

Юра слушал и не верил. В её словах не было злости

—
была формула: «мы сделаем всё быстро и правильно,
но
путь
будет
наш».
Он
не
мог
доказать обратное, но нутро инженера не любило
совпадений.

Линн объявила: данные будут проверены, а затем доступ распределится по научным центрам.

Ройс добавил: испытательные манёвры без людей сначала.

Но Валя, сидевшая рядом с Юрой, наклонилась и прошептала:

— Они хотят объявить очередь раньше, чем выяснят цену входа.

Юра сжал папку. На мгновение у него возникло ощущение, что Космос уже рядом — просто он пока сидит по другую сторону экрана.

В тот вечер они вышли наружу. Город жил не туманом — город жил ожиданием. И ожидание было громче моря.

Юра посмотрел на небо, где не было ничего, кроме тех же старых звёзд. Но теперь эти звёзды выглядели не равнодушными. Они выглядели как расстояние, которое вдруг согласилось стать вопросом.

— Мы всё равно полетим, — сказала Валя.

— Если это правда, — ответил Юра.

—
Это
правда,
просто
не
про
всех
одинаково.

Он хотел спросить, откуда она знает. Но вопрос застрял, как неверный винт в резьбе: ещё рано.

Окно связи в лаборатории продолжало пульсировать, будто дышало. И где-то там, за пределами горизонта, кто-то, возможно, отвечал им тем же дыханием. Никто не произносил вслух слово

«Космос» в начале дня — теперь его произносили все, но каждый вкладывал в него свою выгоду или свою надежду.

Юра понимал: завтра начнётся гонка. А Валя понимала: гонка — это не движение, если ты бежишь не туда.

И потому в ночной тишине они снова вернулись в лабораторию, чтобы сделать вторую проверку, которая должна была стать страховкой. Не от войны и не от аварий — от человеческого соблазна.

Окно связи выдало новый паттерн, короткий, почти издевательский по скорости.

Валя улыбнулась уголком губ.

— Вот теперь, Юра, похоже, они требуют решения.

И тогда Юра впервые почувствовал, что Космос — это не место, а разговор. А любой разговор начинается не с полёта, а с того, кто кому отвечает на самом трудном слове: «да».

**Очередь
на
путь**

Наутро туман над Космопортом был не таким тёплым. Он стал деловым: густым, как чернила в печати, потому что новости уже должны были стать документами.

Панель доступа открыли в центральном узле — огромный дисплей, похожий на окно космической шахты. Там каждый мог подключиться: не для управления кораблём, конечно, а для того, чтобы выбрать, какие лаборатории первыми получают возможность повторить «входное» считывание.

Общество праздновало демократию будущего: мол, теперь решения принимает не узкий кабинет, а народ.

Космополис — так начали называть новую систему городов вокруг порта — быстро разрастался. И вместе с городами росли очереди: люди стояли у терминалов как у касс, будто билеты на Космос продаются по номеру анкеты.

Юра с Вале́й тоже пришли, но не как туристы. Они пришли как проверяющие.
— Смотри, — Валя указала на схему. — Здесь обещают равный доступ.

—

А
где
подвох?

—

Юра
прищурился.

Подвох не был спрятан на самом экране. Он был встроен глубже — в том, как система сопоставляет выбранный приоритет с распределением вычислительных ресурсов узлов связи. В их лаборатории уже были наметки: когда сигнал проходил через разные маршрутизаторы, паттерн иногда искажался, но оставался похожим на оригинал. Сейчас этот эффект стал слишком управляемым.

Валя подключилась к терминалу через свой профиль. Для обычного человека интерфейс выглядел как выбор «уровней участия» и «центров знаний». Для неё это было окно в логическую схему.

— Это не просто распределение, — сказала она. —
Это фильтр.

— Фильтр для чего? — спросил Юра.

— Для формы ответа. Они хотят, чтобы консорциум видел более «красивый» паттерн, пока остальным достанется шум.

Юра почувствовал, как внутри поднимается злость

—

не
на
людей,
а
на
привычку
делать
сложное
нечестным.

На сцене выступала Сафия Тал. Она говорила о «безопасном порядке», о «временном приоритете», о том, что без дисциплины экспедиции не будет.

Публика аплодировала. Юра видел среди лиц ту смесь надежды и страха, которая делает большинство мягким.

Валя же слушала не смысл, а механизм речи. Она знала: если система умеет шептать «порядок», значит система умеет шептать и «выгодный порядок».

После выступления они направились к техническому коридору, где обслуживающие линии уходили в серверную комнату. Ройс предупреждал: трогать инфраструктуру без разрешения — значит создавать повод для обвинений. Но Валя, как всегда, нашла способ обойти юридические мины.

— Мы не будем ломать, — сказала она Юре. — Мы будем демонстрировать.

Для демонстрации нужны доказательства. Они поставили независимый регистратор: переносной модуль считывания, который не был частью панельной системы. Затем они запросили у нескольких терминалов распределение приоритетов

—
так,
чтобы
консорциум
и
не
подозревал,
что
кто-
то

сравнивает «картинку» с фактическим сигналом.

Юра следил за данными, пока Валя меняла параметры участия на уровне пользовательского интерфейса. Мелочь: люди думали, что выбирают, кому отдать «право повторить». На деле они меняли вероятностный маршрут вычислений.

— А теперь снова, — сказала Валя, и Юра нажал подтверждение.

Паттерн на независимом регистраторе почти не менялся. А вот в логах панельной системы он

«сглаживался» так, как сглаживается сигнал при определённой настройке фильтра.

— Значит, они заставляют окно связи выглядеть иначе, — выдохнул Юра.

— Именно, — сказала Валя. — И делают это так, чтобы фильтр был не виден глазу. Видимо — как забота.

Юра подумал о том, как легко объяснить людям

«улучшение качества связи». Люди любят, когда им дают красивую картинку, даже если она дорисована.

Они собрали лог-файлы и пошли в зал заседаний, где Линн и Ройс уже нервно ожидали результатов.

Линн выслушала спокойно, но в её спокойствии появилось острое движение.

— Вы уверены? — спросила она.

— У нас независимое считывание, — ответила Валя.

—
Фильтр
влияет
на
видимый
паттерн
только
внутри панельной инфраструктуры.

Ройс скрестил руки.

— В таком случае это не просто злоупотребление, это риск. Если мы поверим «красивому» паттерну, мы построим неверный вход.

Юра почувствовал, что конфликт выходит из личной сферы. Он перестал думать о том, что консорциум хочет выгоды. Он понял: если фильтр не будет остановлен, можно потерять первую попытку, а вместе с ней — доверие общества.

Когда Сафия Тал узнала о демонстрации, она появилась в зале заседаний так быстро, будто её уведомили заранее.

— Вы обвиняете инфраструктуру, — произнесла она, обращаясь к Линн и Ройсу.

— Мы показываем эксперимент, — сказала Валя.

—

Эксперимент без полномочий — это не эксперимент,

—

мягко
продолжила
Сафия.

—

Это
саботаж.

Юра заметил, как многие члены комиссии отвели взгляд: они не хотели выбирать сторону в конфликте между «техникой» и «властью времени».

Валя подняла планшет, и на экране появилась разница паттернов: независимый регистратор и панельная модель. Форма выглядела почти одинаковой для непосвящённых, но отличия были статистически значимыми.

— Вот где сглаживание, — сказала она. — Вот где меняется оценка задержки. Фильтр предназначен не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.